Наша беседа с Расулом ГАМЗАТОВЫМ проходила в Москве в напряженные июньские дни — тут и IX съезд писателей бывшего СССР, и страсти вокруг «Останкина»...—за тысячи верст от аула Цада, родины поэта. И разговор начался с этого: что там, на родине, поспокойней, до серьезных инцидентов дело как будто пока не дошло!..

— Слава Богу, нетерпеливые дагестанские кинжалы пока в ножнах. Вести о пожаре нет. Но с огнем иногда играют. Аллаху молятся, но не слушают Его. Идет столкновение многочисленных идей. Оно не свет доброе, разумное. Сожалею, что в наши годы голос поэта огрубел, что не слышны «Я помню чудное мгновенье», «Выхожу один я на дорогу», «Люблю грозу в начале мая»... Даже у памятника Пушкину шум и свист митингов не дают услышать гения. У меня такое впечатление, что лирика — душа литературы — находится сегодня в чадре. Евгений Евтушенко сказал, что поэт в России — больше, чем поэт. Сегодня — меньше.

— Недавно у вас прошел референдум о введении поста президента и о земле. В обоих случаях люди ответили «нет». Признаться, результат неожиданный...

— Думаю, народ вообще не против и президентства, и частной собственности на землю. Но время для этого не пришло. Ни к чему еще осложнять ситуацию в многонациональной республике. Легко разрушить то, что есть, не создав нового. Торопливые речки до моря не доходят. Так что в результатах референдума вижу мудрость моих земляков. Под тяжестью нелегкой ноши мы, как нищие, на виду у всего мира деремся между собой, сжигаем чучела «недругов», частыми гостями писательских организаций стали омоновцы. В Дагестане пока больше, чем здесь, доверяют печатному слову. Как приказ генерала слушают тысячи людей, так и голос поэта может поднять массы. Быть достойным наших предшественников и в то же время ответственными перед современниками и потомками — два крыла природы таланта. Но именно крыльев этих не хватает многим из нас.

— И все-таки жизнь то и дело подталкивает к действию. Не раз слышала: почему молчит Гамзатов, какова его позиция!

— Если художник не митингует, не мелькает на экране и афишах — это не значит, что он молчит, что ему не пишется. Твардовский говорил: «Книга про бойца» принадлежит не только поэзии, но и публицистике. У меня в последние годы изданы книги стихов и поэм — «Колесо жизни», «О бурных днях Кавказа», «Концерт», «В полдневный жар». Первые две — на русском, другие — на аварском языке. Сейчас в производстве новая книга. Кроме того, в прошлом году вышел сборник публицистики. Там моя позиция, мой взгляд на жизнь. Словом, писатель в любое время должен заниматься своим делом. Его оружие — образное слово.

— Давайте коснемся недавнего съезда писателей бывшего СССР. Во вступительном слове Тимура Пулатова были

предложения сохранить сообщество писателей. Вы считаете, съезд выполнил эту задачу?

— Я-то думал пройти мимо этих «искусственных прудов». Бернард Шоу еще в 1934 году, когда его пригласили к нам на первый писательский съезд, говорил о том, что писатели — склочнейший народ и незачем показывать всему миру этот позор. И отказался приехать. Он гость. Но мы — хозяева. Когда дома беда, пожар, беспорядок — мы обязаны принимать какие-то меры. Положение усугубляется тем, что в самом писательском доме идет раздел имущества, мы стали друг к другу глухи, а то и озлоблены. Необходимо было искать пути к согласию. Не могу сказать, что мы их нашли, что вскоре поднимем чаши со словами: «Друзья, прекрасен наш союз!» Что о наших взаимоотношениях скажут: «И звезда с звездой говорит». Пока речь идет не о творческом наследии, которого хватило бы на многие поколения, а о том, кому достанется котел бывшего СП, кто станет тамадой за столом мастеров слова, которые стремятся стать мастерами славы... Но все же на прошедшем съезде создан исполком Международного сообщества писательских союзов. Инерция психологии сыграла на этот раз добрую роль. Вы слышали, конечно, как во всех выступлениях звучала ностальгия по нашей прежней дружбе. Сохранен хрупкий, но все же дом для всех желающих этого литературов.

— И все-таки, Расул Гамзатович, вам не уйти от самого больного: в чем же причина раскола среди писателей? В последнее время меня как поэтессу не раз приглашали выступить на радио, и первым вопросом ведущего (или звонка слушателя) был именно этот.

— И что вы отвечали?

— Позвольте выслушать вас.

— Раньше из журналистов выходили хорошие писатели, сейчас из литераторов — плохие журналисты, которые присвоили себе право командовать той областью, где надо учиться друг у друга. А то: ты князь, я князь, он князь — а писать некому. А ведь от кривой палки прямой тени не бывает. Когда во главу угла встает политика, а не творческие принципы, это уже к литературе отношения не имеет... Мой дом всегда был полон друзьями-писателями. То, что их стало меньше, свидетельствует об одном: демократия наша, в том числе и в писательской жизни, так же как и бывший социализм, пока не имеет ясного и доброго человеческого лица.

— В 1942 году вы вступили в партию коммунистов и по сегодня не выходили из нее официально. Что это: приверженность принципам или нежелание в преклонном возрасте суетиться вслед за многими, в мгновение она «прозревшими»?

— Когда прославленного адмирала Исакова спросили, почему он не вступил в партию, он сказал, что в 1917 году как-то не получилось, а потом было поздно. Я же, наоборот, 19-летним парнем решил на это — когда оккупанты стояли у ворот моего Кавказа, когда лозунгами партии были: «Ни шагу назад!», «Комму-

Расул ГАМЗАТОВ: «От кривой палки прямой тени не бывает»

нисты, вперед!». И мужество тысяч коммунистов стало для меня примером. Шли годы. Были такие события, что оправдали бы мой уход из КПСС. Но были и причины остаться. Меня, делегата XXII и всех последующих съездов, преследовали сомнения. С одной стороны, трудная победа на войне, с другой — жестокость и высокомерие партийных властей в отношении народа. С одной стороны, политика укрепления могущества государства, с другой — унижение человека-винтика. Об этом еще в 1960 году я писал в поэме «Люди и тени». Не знаю, кем я был сам: человеком или тенью. Только из партии не ушел, хотя понятия «партийная литература» для меня как поэта не существовало. И даже когда сам уход из партии стал престижным, я не сделал этого. Зато быстро вышли из нее те, что учили Ахматову поэзии, Пастернака — патриотизму, Шостаковича — гражданственности. Абуталиб когда-то мне сказал, что у нашей партии так много ошибок, что по ошибке мы и коммунизм можем построить. Не знаю, коммунист ли я, но уходить из «рядов» для меня уже и поздно, и неблагоприятно.

— Слава вознесла вас к звездам первой величины на литературном небосклоне...

— Славы не было. Популярность да...

— Позвольте не согласиться. Тем более что понятия эти слишком взаимосвязаны. Но я понимаю, о чем вы. Критически относиться к своему прошлому, в чем я убедилась и по вашей книге публицистики «Суди меня по кодексу любви», вы проводите осознанную грань между высотой, на которую вас подняла пресса всех уровней, и той вершиной, что достигли собственным творчеством... Увы, пока что среди литераторов, прежде захваленных критикой, больше тех, кто по инерции и сегодня не прочь пустить пыль в глаза. И сегодня в книжных магазинах лежат их невостребованные «избранные».

— Ладно, лежачих не бьют... Зато многим «неперестроившимся» из моего поколения достается. Листая стихи сорокалетней давности, говорят: «Он Сталина воспел, он партию славил». В Библии же

сказано: Не припоминай грехов юности моей. Но не хотят забывать... О моих удачах, например, твердили: «это ему отец писал», «это заслуга переводчика», «это его композитор «вытянул». Я легко раним и, признавая открыто, похвалами тоже избалован. Потому поначалу было больно и обидно. Спасибо Пушкину, он помог советом: «Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца». Я благодарен и отцу, и переводчикам, и композиторам...

— Никаному переводчику не выдумать щемящую образность песни «Журавли», не рассказать о судьбе горянки так, как это сделали вы... Кстати, о празднике День белых журавлей, о котором слышала и читала много хорошего. Да и как иначе, ведь есть, останутся святые вехи для нас всех, в том числе и победа над фашизмом. У меня погиб отец под Киевом, сейчас оказывается, — за рубежом. Больно это создавать, вот почему чисто по-человечески благодарны вам сотни, а может, тысячи россиян — за организацию этого Всероссийского Дня Памяти.

— Нет надобности говорить, как дорого мне все, что связано с нашей Победой. На моей земле, в Гунибе, стоит памятник — и песне «Журавли», и тем, кому она посвящена. Есть подобные символы и в других республиках. Резонанс Дня Памяти оказался очень широк. В частности, генеральный директор ЮНЕСКО писатель Федерико Майор поздравил меня с этим начинанием. Главное — в напряженные, а порой страшные дни, особенно у нас, на Кавказе, остров Любви и Памяти продолжает жить.

— Не таким ли островом должна быть сегодня и литература? Творческие и личные отношения писателя, о чем пока приходится только мечтать. Вспоминается критика в ваш адрес на страницах «Литературной России» — как руководителя писательской организации Дагестана. Насколько вы согласны с ней, во-первых? И, во-вторых, как живет горскому писателю сейчас?

— К критике отношусь совершенно спокойно. Газета, которая в былые годы не единожды хорошо писала обо мне, может и покритиковать, тем более как

руководителя. Больше сорока лет избирают меня председателем Союза писателей Дагестана, и я неоднократно просил, ссылаясь на возраст, на здоровье, на справедливые замечания собратьев, освободить меня. Но, увы... Думаю, не потому, что я безупречен, а бояться — вдруг другой еще хуже будет. Руководитель я действительно неважный, многие по разным причинам да и без особых причин мною недовольны. А вообще считаю, писателями руководить — дело зряшное. Они большие дети. Их надо любить, с ними надо дружить, им надо помогать.

— Вашими бы устами...

— Я не привык всем улыбаться, всем нравиться. Меня критиковали за то, что при разных вождах получил немало званий и премий. Но и вожди, и многие другие награждались не меньше, я-то не имею к ним претензий. Это не литературный разговор, тем более что награда — не охранная грамота для художника.

— Не скажите. Немало тех, кто до сих пор «выезжает» на былых отличиях, далеко не всегда заслуженных...

— Возможно. Если же говорить, как живет писателям Дагестана, — их талант заслуживает куда более достойной и лучшей доли. Но никто не скажет, что им живется хуже, чем коллегам — москвичам, петербуржцам и так далее. У нас 15 народных поэтов, около 90 человек закончили Литинститут. Тираж книг некоторых из них больше, чем население республики. Издаются детский и взрослый журналы на нескольких языках, построены для писателей два жилых дома, работает отделение Литфонда с медпунктом. Наши песни поют на сорока языках, а в последнее время мы ругаемся на всех шестидесяти. На претензии писателей я смотрю с пониманием. Однако мои желания и возможности не соответствуют друг другу.

— Работа для вас, конечно, — это не только труд за письменным столом. Хватает ли на все времена?

— Конечно, нет. Много его уходит на чтение газет, журналов, после чего болит то горло, то сердце. Так бывает у человека, который подряд пьет и коньяк, и водку, и вино, и пиво. Непременно читаю литературу, связанную тематически с тем, над чем работаю сам. Сейчас пишу о Махмуде, что молился святой Марии в церквах Галиции, воображая, что это его возлюбленная Муи. Читаю о Карпатах, о жизни Магомета и Христа и, конечно, Коран и Библию. И хотя я не тот верующий, что исполняет все предписания и законы, я верю и боюсь Бога — в том смысле, что помню о высшем суде над собой. И в Мекку ездил. В применении к литературе уверен: она должна быть божественной, то есть нести в себе истинную духовность.

— Коран, Библия — это от Бога... А если чуть спуститься?

— А Пушкин, Есенин, Гейне — разве не боги? Сейчас увлечен их поздними стихами, письмами. Видимо, возраст диктует...

— В следующем году вам семьдесят — юбилей!

— Меньше всего думаю об этом. Юбилей — архитектурное излишество. За последние годы я потерял очень много друзей. Льет кровь моих братьев и сестер в Азербайджане и Армении, в Осетии и Грузии. У нас в горах говорят — кровь не высыхает. Россия бурлит. До юбилея ли, когда не знаешь, что нам готовит «рок событий». Но все же этот день даст повод собрать вместе со своими годами, полными тревоги и любви, родных и друзей. Побывать на могилах отца и матери, вспомнить погибших братьев, поблагодарить жену, которой я, Герой Социалистического Труда, присвоил звание Героя Социалистического Терпения. Увидеть рядом дочерей и внуков. Приветить и попросить прощения за ошибки. Хотел бы сидеть в этот день в кругу дагестанских писателей, и если есть зуб на кого-то — вырвать его. Хотел бы приласкать своих друзей — Чингиза Айтматова, Давида Кугультинова, Наби Хазри, Мустая Карима, Дмитрия Павлычко, Мумина Каноата, Олжаса Сулейменова, Михаила Дудина, Алима Кешокова и других, кого всегда рад видеть. Судьба разбросала нас... Но не будет уже Николая Тихонова, Александра Твардовского, Константина Симонова, Василия Гроссмана, Александра Крона, Эммануила Казакевича, Николая Ушакова, Мирзо Турсун-Заде, Самеда Вургуня, Иракия Абашидзе, Наума Гребнева, Яна Френкеля, Юлии Друниной... Хочу поклониться Дагестану, всему бывшему Союзу и пожелать всем выйти из окружения недоверия и вновь обнять друг друга.

— Глядя на пройденный путь, Расул Гамзатович, о чем жалеете больше всего?

— Виделся я с Вангой — знаменитой предсказательницей. В подарок этой больной и старой женщине привез изделие унцукульских мастеров — посох. Она и говорит: с такой палкой отец и мать ждут тебя на том свете, чтобы проучить за грехи. За то, что огорчал родителей, и за то, что мало берег друзей, хотя и написал песню об этом. Был доверчив, а порой суетлив — хотелось скорого признания.

Да, да, торопливая речка до моря не доходит...

— На днях, когда перечитывала Тютчева, попалося на глаза вот какое его стихотворение, напомнившее о нынешней тяге многих к Западу:

Как перед ней ни гниешь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

— Прекрасные стихи. Надо быть реалистами. Разве подойдет к французскому костюму дагестанский кинжал? Хорошо то, что подходит нашему характеру, бычакам. И себе цену знать — не ради кичливой гордости, а чтобы не потерять души, достоинства. Не оказаться без вести пропавшими в чужих цивилизациях...

Беседу вела
Валентина КОРОСТЕЛОВА